

ЛЮДМИЛА ЕЛЬНИЦКАЯ
Москва (Россия)

РАЦИОНАЛЬНОЕ И МИФОЛОГИЧЕСКОЕ В СОЗНАНИИ ГЕРОЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Два произведения Достоевского: *Записки из подполья* (1864) и *Сон смешного человека* (опубликован в *Дневнике писателя* за 1877 г.) можно рассматривать как единый текст, как своего рода дилогию, несмотря на разделяющие произведения годы. В первом показан духовный тупик современного Достоевскому русского, европейски образованного интеллигента, во втором – как будто угадан выход из этого тупика. Персонажи обоих произведений принадлежат к одному типу открытого писателем интеллектуального рефлексизирующего героя, игнорирующего социальные связи и сосредоточенного исключительно на анализе всех и всяких проявлений собственной личности. К подобного рода разновидности «человека из подполья» принадлежит большинство героев в творчестве писателя.

Подпольная психология и подпольный способ существования в экспериментально чистом варианте показаны в *Записках. Герой подполья* – настоящий петербургский тип, обитатель петербургских «углов», страдающий в огромном городе от бедности и дурного климата, но не желающий переменить и улучшить свое положение из принципа «назло». Тот, в укор кому живет *Подпольный*, не назван, поскольку герой полемизирует всей своей судьбой не с каким-то конкретным лицом, а по меньшей мере с движением исторического времени, со всем ходом человеческой цивилизации и культуры.

Одиночество *Подпольного* принципиально и абсолютно. Он нигде не служит (живет на проценты от крохотного капитала), не имеет ни среды, ни семьи, ни даже имени. Ведя столь уединенную жизнь, *Подпольный* постоянно «упражняется в мышлении», что не является для него каким-то особым занятием, которому он отдает те или иные свободные часы. Мыслить, сознавать себя и является для *Подпольного* синонимом жизни. На собственном опыте он приходит к парадоксальному выводу, что трагическая судьба современного человека (по выражению *Подпольного*, «образованного человека XIX столетия») определяется именно тем, что он мыслящее и сознающее существо.

Но прежде чем рассматривать главную идею *Подпольного*, необходимо понять, в каких связях персонаж Достоевского находится с героями предшествующей русской литературы. Очевидно, что в его истории востребована формула «горе от ума» (Чацкий и др.). Но ближе всего к «человеку подполья» герой Лермонтова. Сошлюсь на книгу А. А.

Фаустова и С. В. Савинкова *Очерки по характерологии русской литературы*¹. Хотя авторы ограничивают себя анализом литературной ситуации 30–40-х годов XIX в. и к творчеству Достоевского не обращаются, это не мешает увидеть, какую благодатную почву найдут «странности» Печорина в другой личности, имеющей как будто статус дворянина, но с сильнейшим привкусом разночинства, живущей в другой исторической реальности (в 50–60-е годы), когда романтическое мышление и романтическое поведение бесповоротно исчерпали себя. Оставив интереснейшую тему генезиса «характера» *Подпольного* (парадокс в том, что герой Достоевского не имеет характера), обратимся к его идеям.

Повествование в *Записках из подполья* организовано от лица персонажа. Особенность указанной формы в том, что герой является одновременно объектом изучения и наблюдающим субъектом. Чувствуя и сознавая себя, он вместе с тем анализирует проявления собственной личности, как будто они принадлежат другому человеку. Такое возможно в сновидениях, что и дает основание рассматривать «Записки» со свойственной им фрагментарностью и хаотичностью изложения как сновидческие кошмары или болезненные галлюцинации героя.

Время действия в произведении не обозначено конкретными историческими событиями: это внутреннее психологическое время персонажа, вечно длящееся настоящее. Использование в повествовательном дискурсе личного местоимения «я», включающего не только лицо персонажа, но – потенциально – и автора, и всякого читателя произведения; направленность проблематики на осмысление метафизических вопросов *свободы – необходимости – причинности, насилия – зависимости – унижения*, – все это позволяет воспринимать *Записки* как подведение итогов длительного развития человеческой цивилизации и как текст, «кричащий» о необходимости переоценки узаконенных в качестве нормы философских, социальных, этических и других идей².

Черты, свойственные традиционному персонажу Достоевского в «герое подполья», как говорилось, очищены от случайностей. Это погруженная в себя личность шизофренического типа. Образы «угла», «подполья» символизируют полную разорванность связей с другими людьми, когда человек наглухо заперт в клетке своего тела и своей психики. Внутренняя жизнь персонажа имеет характер галлюцинаций. Невозможность для сознания такого типа оторваться от своих образов-желаний приводит к

---

1 А. А. Фаустов, С. В. Савинков, *Очерки по характерологии русской литературы*, Воронеж 1998 (Особенно важна гл. 4 – *Из истории странных людей*, с. 68–84).

2 «Круг идей», интересующий подпольного персонажа, рассматривается в огромной исследовательской литературе о творчестве Достоевского, начиная с ранних работ В. Я. Кирпотина и Г. М. Фридендера. Одна из последних книг, ориентированная на указанную проблематику: Дж. Сканлан, *Достоевский как мыслитель*, Санкт-Петербург 2006. Нас же интересуют не столько идеи, сколько жизненное самочувствие подпольного героя.

нестерпимому страданию. Бессознательно *Подпольный* ощущает пребывание внутри своего «я» как тюрьму. Бешеная работа воображения, выбрасывающего изнутри себя новые и новые образы насилия над его личностью, представление и театрализация этих внутренних переживаний, свойственные психике *Подпольного*, внешне выражаются в неумеренной жестикуляции, болезненных гримасах, интонации непрерывного спора с кем-то отсутствующим, в напряженном истерическом смехе.

Поскольку «человек вообще» по своей природе склонен к погружению в себя, то доведенный до крайней точки аутизм *Подпольного* позволяет Достоевскому с пронзительной отчетливостью, как сквозь увеличительное стекло, представить трагедию современного человека как сознающего и мыслящего существа³.

Подвергая свою личность анализу, *Подпольный* убеждается, что состоит из неразрешимых противоречий. Прежде всего он – упражняющийся в мышлении человек – не может сказать о себе ничего определенного: кто и каков он – добрый или злой, герой или подлец, справедливый или бесчестный. Из своего душевного состава *Подпольный* не способен выделить главенствующее качество. При выдвижении на первый план какого-либо немедленно включаются так называемые «противоположные элементы». *Подпольный* открывает в своей психике необоримую потребность противоречить себе самому, видимо, из бессознательного желания быть свободным от любой окончательной и твердой дефиниции своей личности. Интуитивно *Подпольный* выдвигает на обсуждение важнейшую для человека проблему самоидентичности. На собственном опыте *Подпольный* убеждается, что умный человек, живущий по законам усиленного сознания, «должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным», что ему невозможно «чем-нибудь сделаться», а «делается чем-нибудь только дурак»⁴. Вглядываясь в себя, *Подпольный* видит *пустоту*, при том чувствует в себе бездну разных возможностей. Он с отчаянием признается, что за целую жизнь не смог сделаться «даже насекомым» (100).

Однако другие не знают подобного внутреннего разлада. *Подпольный* сравнивает себя с так называемым «естественным или нормальным человеком». Этот природный субъект, не будучи искушен в мышлении, всегда деятелен. Лишенный внутренней сложности, которая терзает *Подпольного*, нормальный человек воспринимает жизнь в

---

3 Подробно об этом в моей статье: Л. М. Ельницкая, *О трагедии человеческого сознания в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского*, «Вестник Московского университета», сер. 7. Философия, 2007, № 6. с. 28–37.

4 *Записки из Подполья* цит. по изд.: Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 30-ти томах*, Ленинград 1973, т. 5, с. 100. В дальнейшем страницы ставятся в тексте статьи. Выделения слов и выражений в цитатах принадлежат автору статьи.

двоичной системе: он мыслит категориями «да» и «нет»; для него очевидна черта, разделяющая добро и зло, черное и белое. Совершаемые поступки только увеличивают свойственное такому человеку чувство самодостаточности и глубокого уважения к себе. Другое дело – «умный», который при чрезвычайно развитой способности к анализу знает: то, что кажется причиной произошедшего, ею не является. *Подпольный* мечтает о поступке, который бы подтвердил реальность его существования, но убеждается, что выразить себя в действии не способен. «Я, может, потому только и считаю себя за умного человека, – говорит он, – что всю жизнь ничего не мог ни начать, ни окончить». И делает вывод: «Ведь прямое и единственное назначение всякого умного человека есть *болтовня*, то есть умышленное пересыпание из пустого в порожнее» (109).

Сокровенный тезис *Подпольного* формулируется следующим образом: причина его личной несостоятельности в том, что он наделен избыточным сознанием. Впрочем, не только много сознания, но и всякое сознание, по его убеждению, есть болезнь, «настоящая полная болезнь», которая сопровождается тоской, душевными терзаниями и физическими недугами. Ведь сознание – это не только рассудочная способность вырабатывать отвлеченные образы предметов и явлений. Сознание включает в себя и нравственные императивы – совесть, представления о прекрасном и должном, добром и злом. Эти стороны сознания теснейшим образом связаны со свободной волей человека, который действует в мире, как он полагает, исходя из собственного понимания целей и задач, а не по принуждению внешних обстоятельств. Нравственное чувство указывает *Подпольному* на глубокое несоответствие его личности идеалу Человека, который был выработан исторически. По особенностям своей психики *Подпольный*, вознося идеал на недостижимую высоту, одновременно преувеличивает и утрирует свои внутренние состояния в сторону безобразного. *Подпольный* постоянно испытывает угрозу умаления, стирания своей личности до того, что возникает перспектива ее полного исчезновения. Один полюс душевной жизни *Подпольного*, связанный с нагнетанием некрасивых подробностей его «поведения» (многое происходит только в воображении персонажа), питает характерное для него чувство вины. Другой, возникающий из потребности противоречить, агрессивное утверждение неизбежности всех своих проявлений, с которыми бороться *Подпольный* не намерен. Ведь для человека, наделенного сознанием, ясно, что он никогда-никогда другим не сделается. Он знает, что стоит перед «каменной стеной», которую нельзя разбить и нельзя обойти. Человек испытывает потребность свободно распоряжаться своей жизнью и на каждом шагу убеждается, что не может скрыться ни от собственной животности, ни от давления законов природы, ни от научных

открытий. Для *Подпольного* очевидна клетка, в которой заперт человек. Сквозными мотивами первой части *Записок* являются: «до последней стены дошел», «нет тебе выхода», «некуда человеку пойти». Метафизическое положение человека, стремящегося иметь универсальную опору в собственном разуме и надеющегося обосновать этику, исходя из собственных человеческих возможностей, приводит к открытию «закона каменной стены». Единственный выход, который представляется *Подпольному* исходя из его психики, – это непризнание отменяющей свободную волю человека «каменной стены». В результате выдвигается принцип личного произвола и каприза, т.е. бунт «разумного человека» против слепой силы. Логика, работа разума, выяснение причинных связей между явлениями не помогают человеку найти свое достойное место в бытии. Неизбежен выход в область абсурда. Вот его формула: «Я согласен, что дважды два четыре превосходная вещь; да если уже все хвалить, то и дважды два пять премилая иногда вещьца...» (119). Если же признать права «каменной стены», то у человека нет иной судьбы, как быть «фортепьянной клавишей, на которой играют законы природы» (117).

* * *

Если *Подпольный* бунтует и пока не способен принять свою участь (он подобен живому комку боли), то другой персонаж – *Смешной* (=нелепый, странный, неприличный) существует в иной тональности: устало-равнодушной. Он не только предельно опустошен, у него не осталось никаких вопросов к миру, а также ни малейшей иллюзии, ни самой крохотной надежды в отношении возможностей человека. Кажется, в подобном состоянии он живет целую вечность. Холодное отчаяние героя обнаруживает себя в универсальной формуле «на свете везде *все равно*»⁵, а также в давно сложившейся идее самоубийства.

Действие в *Сне смешного человека* происходит, как и в *Записках*, в темном сыром Петербурге; временные рамки действия тоже не указаны. Важно, что вечер, в который *Смешной* положил убить себя, был «мрачный, самый мрачный вечер, какой только может быть... [...] я подумал, что уж не может быть более мрачного времени. [...] Дождь лил весь день, и это был самый холодный и мрачный дождь, какой-то даже грозный дождь [...] с явной враждебностью к людям [...] ...и началась страшная сырость, сырее и холоднее, чем когда шел дождь, и ото всего шел какой-то пар, от каждого камня на улице и из каждого переулка» (105). Сгущение темноты и сырости как мифологических характеристик пространства (Петербург – образ адской преисподней) благоприятствуют окончательному оформлению позиции героя – позиции безразличия, саморазрушения,

---

5 *Сон смешного человека* цит. по изд.: Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений...*, т. 25, с. 105. В дальнейшем страницы указываются в тексте статьи. Курсив в цитатах принадлежит Достоевскому.

стремления к небытию. «Я вдруг почувствовал, – замечает герой, – что мне *все равно* было бы, существовал ли бы мир или если б нигде ничего не было» (105).

Такое состояние глубокой душевной болезни, доведенной до крайности, до непоправимой катастрофы предопределяет для человека, – как пишет С. М. Телегин, – возможность соприкосновения с иными мирами. «Разлад между внешним бытием и внутренним существованием человека разрешается в момент особой проясненности, который у Достоевского всегда связан с болезнью, смертью или страхом смерти, казнью или самоубийством»⁶. Можно было бы добавить к сказанному, что последняя опустошенность *Смешного* символизирует его потенциальную открытость бессознательному: если невозможно понять положение человека разумом и логикой, то происходит невольный на интуитивном уровне поворот к области бессознательного.

Самоубийство *Смешного*, совершенное не в состоянии аффекта, а по самом холодном размышлении, как выясняется, происходит не наяву, а во сне. Пик бессмыслицы существования человека обнаруживается за пределами его земного круга. Когда *Смешного* похоронили, то вместо величественной Вечности он снова «увидел» то, от чего бежал: беспросветную темноту, тесноту и сырость могилы – и узнал особенную пытку: капли дождя, проходя через крышку гроба, равномерно падали прямо на левый глаз. Как ни странно, *Смешной* не готов принять *такую* Вечность как награду или венец судьбы человеческой. Вся его натура, каждая ее клеточка протестуют против тьмы, холода, дождя – и в ответ на его бунт, обращенный ко всем властным силам мирового бытия, появляется «посланец небес» – некое *темное* (!) Существо с могучими крыльями. Разверзаются стены могилы, Существо обхватывает *Смешного* крыльями и взмывает вместе с ним от Земли вверх, в космическое пространство. В конце концов *Смешной* переносится на Землю обетованную или на Остров блаженных, что одно и то же.

Весь текст рассказа о *Смешном* строится как подробнейшее описание сновидения о мире, недоступном для человека в его земном опыте и одновременно доступном до такой степени, что можно зримо и чувственно представить и ощутить любую его подробность. Сон *Смешного* воспроизводит некий мифологический образ совершенного бытия, который живет даже не в подсознании человека, а скорее в его сверхсознании.

Необходимо разграничить повествовательные модели двух произведений, которые внешне тяготеют к дискурсу сновидения. В первом случае (*Записки из подполья*) речь идет о сне-кошмаре, преследующем героя, на что указывают расстройство речи, отсутствие красивых и поэтических образов, случайность и парадоксальность связей между

---

6 С. М. Телегин, *Основной миф Достоевского*, «Литература в школе» 1998, № 4, с. 34–35.

возникающими картинками и высказываемыми мыслями. *Подпольный*, который так глубоко постигает идеалы прекрасного и высокого, одновременно знает об их недостижимости и невоплотимости. Отсюда неизбежное противоречие в душе: не неся ответственности за все мировое «безобразие», *Подпольный* будет казнить именно себя. Любой контакт с миром (чаще всего воображаемый) *Подпольный* превращает в собственный позор и собственное осмеяние (из чего извлекает болезненное наслаждение). Жизнь героя (точнее: анти-героя) выстраивается как цепь обид, унижений, оплеух, презрительных в его адрес жестов, смеха. Материальным аналогом того, в чем живет *Подпольный*, являются жидкости, связанные с выделениями и испражнениями тела: слизь, желчь, рвотные массы... Достоевский в сущности показывает в *Записках* «исторический путь», который проходит «человек разумный» (=основание всего мироздания эпохи Просвещения) к современному «человеку безумному» (таков конечный результат длительного «развития»).

Другое дело – сновидение *Смешного*. Прежде всего это целостная картина мира, в которой любая мелочь чувственно воспринимается. Остров блаженных омывается морем, над ним всегда безоблачное небо и сияющее солнце, обитающие на нем и птицы, и звери, и счастливые безгрешные люди не знают других чувств, кроме радости и любовной нежности друг к другу. Подробное описание устройства жизни на Острове («отношения социальные», проблема старости и смерти, взаимосвязи с природой, отношения к знанию, к идее труда и т.д.), а также генезис подобного идеального устройства общества рассмотрены в уже упоминавшейся глубоко содержательной статье С. М. Телегина⁷.

Остановлюсь на природе такого явления, как сновидение, через которое в том числе проявляет себя мифологическое сознание. Значение последнего в том, что оно ведет к освобождению от прямой связи с действительностью и от ее давления. Так называемая окружающая реальность и производный от нее реализм формируют представление, что человек – жертва и следствие обстоятельств (люди, по словам *Подпольного*, – «фортепьянные клавиши, на которых играют законы природы»). Мифологическое мышление, проявляемое, видимо, в мифологическом реализме, позволяет установить в природе и социальном мире, психологии и психическом самочувствии человека скрытые взаимосвязи, которые нуждаются в опознании и объяснении. Мифологическое мышление позволяет любое фантастическое с точки зрения обыденного понимания событие воспринять как подлинно существующую и единственно настоящую реальность. Божественно полнокровный мир, который открывается *Смешному* в сновидении и

---

⁷ Там же, с. 33–44.

навсегда поражает его сердце, – это красота и гармония бытия, а также радость и счастье, для которых рождается человек и которые должны составлять содержание его жизни. Для того, чтобы уверовать в возможность подобного мира, нужно совершить фантастический *полет* в первовремена человечества и это мифическое прошлое *увидеть* во всех мелочах и подробностях.

В сущности сюжет рассказа Достоевского аналогичен ритуалу посвящения – первостепенному в мифологическом сознании, – когда через смерть обретается новое рождение. Здесь важно, что свет, обновление возникают не извне, а в глубине души самого человека, в момент рождения новой личности (т.е. на самом деле имеет значение не состояние мира, а точка зрения человека на этот мир). Изменившийся изнутри, вдруг видит другую волшеббно преображенную действительность.

В финале произведения, когда *Смешной* принимает на себя роль пророка, несущего заповедь: «Люди, любите друг друга», он аргументирует свое новое отношение к миру тем, что *видел* (!) настоящую жизнь собственными глазами. Правда, совместить две реальности: ту, которую видел, и ту, от которой бежал в смерть, невозможно, т.к. они противоположны (противоположны) по своей сути. Современный человек – греховный, падший; мифологический человек – божественно целостен и невинен. Прикосновение современного человека к мифологическому бытию ведет к стремительной порче и разрушению последнего (в рассказе Достоевского появление *Смешного* на Острове счастливых становится причиной его гибели). Однако результатом сновидения является обретение «нового зрения», утверждение формулы: «любите друг друга» как неотменимой, единственной Истины (в профанном мире эти слова воспринимаются как расхожая демагогическая фраза).

Отмечу другие важные особенности мифологической картины мира в рассказе: 1) обратное течение времени (*Смешной* «уносится» в сновидении в доисторические времена, в глубокое прошлое человечества); 2) безволие или безучастность *Смешного* к тому, что с ним происходит. Он попадает во власть неизвестного Существа, которое в *полете* через бесконечные космические пространства доставляет душу своего пленника именно туда, где произойдет ее воскресение. Для события такого масштаба необходим посредник небесной природы. Существо в рассказе Достоевского сродни античному Гермесу – душеносцу, которому вменялось в обязанность переносить души из одного мира в другой; 3) наконец, для мифологической картины мира характерна биполярность всей системы образов. Текст рассказа строится на постоянном переворачивании двух реальностей: профанной и мифологической; суть, содержание жизни таким образом

проблематизируются; мир и жизнь не могут получить окончательную, твердую (в том числе – этическую) оценку. Так, *Смешной* имеет два лица: в начале повествования это испорченный, искаженный человеческий образ, достойный осмеяния (причем ирония и смех рождаются изнутри собственного «я»). В конце рассказа тот же персонаж предстает осмеиваемым другими, непонятым пророком: никто не догадывается, что «банальность», с которой он идет к людям, является единственной Истиной, утерянной и забытой человечеством. Подобно герою, два облика имеют и другие образы. Существо одновременно соединяет в себе ангельскую и демоническую природу. Звезду, на которой живет счастливое человечество, герой заметил еще на улицах Петербурга: почему-то она тревожила и волновала его своей яркостью. В сновидении, во время полета и уже из космоса он увидел родную землю, которую только что покинул, в виде такой же яркой звездочки, как та, на которой в конце концов оказался. Так герой понял, что мир всегда имеет две возможности, подобно двум звездам, неразличимым внешне; однако на одной живет погибающее человечество, а на другой – еще не узнавшее грехопадения. Темнота, сырость и смрад Петербурга в рассказе противостоят солнечному свету и радостному мироощущению людей Счастливой Земли – и опять-таки это две разные, строго уравновешенные возможности мира, в который брошен человек. Девочка, умоляющая *Смешного* о помощи в начале рассказа и не получившая ее («какое мне дело до страданий и бед человечества...»), в финале воспринимается как заново обретенная душа героя.⁸ Все названные (и во множестве неназванные) метаморфозы не имеют никакого отношения к закону постепенных изменений, постепенного накопления новых возможностей и, наконец, обретения нового качества, известному в традиционном реалистическом мышлении.

Таким образом, в разобранных произведениях Достоевского показаны два варианта судьбы современного человека: смерть без последующего воскресения («подполье» или пещера – символ смерти) и смерть как условие ритуала посвящения, необходимая для нового рождения, в мифологическом *Сне смешного человека*. «Сон, дескать, видел, бред», – по-прежнему смеются над героем рассказа. И его поразительный ответ: «Сон? что такое сон? А наша-то жизнь не сон? Больше скажу: пусть, пусть это [приснившееся счастье – Е. Л.] никогда не сбудется и не бывать раю [...] ну, а я все-таки буду проповедовать. А между тем как это просто: в один бы день, в один бы час – все бы сразу устроилось! Главное – любви других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас

---

⁸ В обрядах перехода, в Элевсинских мистериях в частности, посвящаемый должен поразить в себе Дракона страха и невежества, что является условием овладения душой – Персефоной и актом нового рождения.

найдешь как устроиться [...] » (119).

LJUDMILA ELNITSKAYA

RATIONAL AND MYTHOLOGICAL IN CONSCIOUSNESS OF F. M. DOSTOEVSKY'S HERO

Summary

In the article are considered two types of consciousness, which are typical characteristic of Dostoevsky's heroes. The first type searches for a support in human mind; however, individualism of the modern person leads him to revolt against the world, to a solitude and isolation in the "underground". Such rational thinking creates deadly deadlock to the existence of human. The second type of consciousness: mythological – also is connected with inevitability of death which is, however, a condition of the subsequent revival and the rebirth, allowing the person to see the world differently.

Key words: Dostoevsky, hero, consciousness, underground, rational, mythological.